

Искусство детектива Татьяны Гармаш-Роффе

- Татьяна Гармаш-Роффе отлично знает, каким должен быть настоящий детектив, и следует в своих романах законам жанра.
- Театральный критик, она умеет выстраивать диалоги и драматургию чувств. Неординарная личность, она дарит часть своей харизмы персонажам.
- Непредсказуемость сюжетных поворотов, точность в логике и деталях, психологическая достоверность в описании чувств, - таково ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА Татьяны Гармаш-Роффе.
- Главный герой ее романов частный детектив Алексей Кисанов, или просто Кис.
- По четырем романам Татьяны Гармаш-Роффе снят телевизионный многосерийный фильм «Любить и ненавидеть».

Детективные романы Татьяны Гармаш-Роффе:

Тайна моего отражения
Шантаж от Версаче
Частный визит в Париж
Голая королева
Шалости нечистой силы
Ведьма для инквизитора
Роль грешницы на бис
Вечная молодость с аукциона
Ангел-телохранитель
Королевский сорняк
Мертвые воды Московского моря
Е.Б.Ж.
13 способов ненавидеть
Уйти нельзя остаться
Расколотый мир
Ведь я еще жива
Черное кружево, алый закат
Ягоды страсти, ягоды смерти
Вторая путеводная звезда
Золотые нити судьбы
Властитель женских душ
Укрыться в облаках
И нет мне прощения
Сердце не обманет, сердце не предаст
Силы небесные, силы земные
Легкое дыхание лжи
Завещание с того света
Светлый лик, темный след
Наука страсти нежной

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

завещание с того света

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г20

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Гармаш-Роффе, Татьяна Владимировна.

Г20 Завещание с того света : [роман] / Татьяна Гармаш-Роффе. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Искусство детектива. Романы Т. Гармаш-Роффе).

ISBN 978-5-04-095561-9

Академик Донников, создатель «Заповедника Здоровья», где лечатся звезды и политики, погиб в автокатастрофе, оставив дочь Машу сиротой. А спустя месяц голубь приносит к их часовне странное письмо. В нем говорится, что смерть академика не несчастный случай, а убийство, и Маша должна найти надежного человека для проведения секретного расследования.

Маша обращается к сыщику Алексею Кисанову. Он в мистику не верит, считая «голубиное письмо» жестоким розыгрышем, но все же берется за дело из сочувствия к девушке. Ему помогает ассистент Игорь, у которого Маша вызывает больше, чем простое сочувствие... Беседа с близкими академика неожиданно приподнимает завесу над неприглядными тайнами «Заповедника». Похоже, Донников стал жертвой интриг своих высокопоставленных пациентов... Расследование принимает опасный оборот: теперь кто-то покушается на жизнь Маши. Кто? Кому нужна смерть академика и его дочери?!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гармаш-Роффе Т. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095561-9

Глава 1

ХРУСТАЛЬНЫЙ КОРАБЛИК И «ЁЖКИНА ПОЛЯНА»

— Ма-аша-а!

Ненавижу ее голос, ненавижу.

— Маша, я тебя зову, ты глухая?!

Она орет с первого этажа и почему-то уверена, что я обязана ее слышать на втором. Хотя придется ответить, не то она припрется в мою комнату.

— Слышу.

— Ты не сказала мне о своих планах на сегодня!

— Я не обязана перед тобой отчитываться.

— Обязана! Теперь, когда не стало твоего папы, в доме главная я! Ты еще ребенок, я за тебя отвечаю!

— С какой это стати?

— Я твоя мачеха!

— Да иди ты... — пробормотала я себе под нос.

Хочется послать ее подальше и погромче, но я не могу себе этого позволить. На грубость Леночка разразится слезами, а потом примется усиленно доказывать, что она хорошая и главная, а я плохая и у нее в подчинении. Жизнь моя усложнится, а она у меня и без Леночкиных истерик не сахар.

Есть у меня подружка Светка, так у нее что на уме, то и на языке. Я ей завидую: ведь Светка может позволить себе роскошь не думать о потаенных мыслях окружающих людей, об их интересах, которые в любую минуту способны обернуться против интересов твоих или твоей семьи. Светке не нужно угадывать подводные течения, взвешивать свои слова и их последствия — она живет свободно и говорит как дышит, не задумываясь. Оно понятно, ведь у Светки врагов нет. Из всех возможных достоинств у нее имеется только хороший характер. Но этому почему-то никто не завидует. Завидуют богатству, положению, красоте. Как раз всему тому, что есть у моего папы.

То есть было.

Папа и научил меня с детства взвешивать свои слова. Поэтому хоть я Лене и дерзила (с удовольствием, признаю), но до открытой грубости не доходила.

— Лена, мне через два месяца будет восемнадцать, — потрудилась я прокричать сверху. — Оставь меня в покое, ладно?

— Я поклялась твоему отцу! Что буду опекать тебя!

— Это в какой момент ты поклялась? *На его смертном одре?*

В моем вопросе имелся ядовитый подвох: «смертного одра» судьба нам не подарила. Папа погиб в автокатастрофе, никто при ней не присутствовал, и даже гроб нам выдали закрытый: машина, упав с обрыва, загорелась, а папа... В общем, там остались только угли.

Сарказм я позволила себе, будучи полностью уверенной: Леночку мои слова не ранят и рыдани-

ями она не разразится. Мера ее скорби пропорциональна мере ее любви к папе — и то и другое не глубже его могильной ямы.

— Ма-а-а-ша-а-а-а!

О, этот голос. Беспомощный и истеричный. Папу она подкупила именно своей беспомощностью, а истеричность в пору их женихания не была заметна — она проявилась лишь тогда, когда Лена пустила корни в нашем доме.

А ведь я папу предупреждала. В принципе мне всегда импонировала его склонность к благотворительности: когда у тебя очень много всего, надо делиться с ближним, у которого вообще ничего. Так и наш батюшка... — ну, не папа, конечно, а священник — говорит. Грешно делать унитаз из золота, в то время как людям рядом с тобой не на что жратву купить. Тем более что от этого ни твои какашки, ни ты сам золотцем не станете. Поэтому за помощь Леночке, моей бедной тетехе-репетиторше по английскому, я папу не осуждала. А вот за желание жениться на ней — очень даже!

Папа, конечно, меня не послушал. Женился. Она, видать, была уже беременна от него, поскольку родила мальчика через шесть месяцев после свадьбы. А еще через полтора года — девочку. Двоих детишек папуле заделала. (А мне соответственно единокровных братика и сестричку.) Только еще через полгода папа совсем перестал интересоваться Леной. И детками, к слову, тоже. А я предупреждала, ну предупреждала же! Говорила я, мудрая: пап, помогай ей, раз тебе хочется, но жениться-то зачем? Жалость — не любовь, на ней отношений не построишь, пап, взаимности не будет, понимаешь? Ты

ей — да. Но она тебе — что? Спасибки-спасибочки? А тебе это надо? Пап, после смерти мамы ты будто все ищешь женщину, которая смогла бы стать тебе настоящей подругой, я понимаю, пап, я не ревную, я хочу, чтобы ты был счастлив. Но это не Леночка, неужели ты не видишь?! Она только и может, что кланяться и «спасибкать»!

А папа что-то мычал нечленораздельное в ответ. И готовил свадьбу. Конечно, мне еще пятнадцати в то время не было — кто же послушает малолетку...

— Лен, не беспокойся. У меня сегодня курсы вождения. В Москве, — произнесла я миролюбиво, спускаясь по лестнице.

До сдачи экзаменов оставалось всего четыре занятия с преподам. На машине автошколы, конечно. А в нашем летнем гараже (то есть во дворе под навесом — зимний гараж был под домом) меня уже ждал премиленький «Мини-Купер», моя шоколадка, гнедая лошадка, папин подарок.

— Почему в Москве?! Ты ведь здесь водишь!!!

— Лен, не кричи, я уже стою рядом.

— Я не кричу!

— Ага, только у меня сейчас барабанные перепонки вылетят из ушей, как стекла из окон.

— Ответь на мой вопрос! Зачем тебе в Москву, ты ведь тут занимаешься вождением? — Леночка все-таки сбавила обороты.

— Занималась. Но здесь деревня. Мне надо в городе осваиваться.

— Ты водила в районном центре! Чем тебе не город!

— Лена... — У меня даже голос сел от безнадежности этого разговора. — Я не спрашиваю у тебя

разрешения. Я не спорю с тобой. Я тебя информирую. То есть довожу до твоего сведения мое решение ехать сегодня в Москву.

Лена довольно долго переваривала мою фразу. Потом лицо ее слегка прояснилось: дошло. И тут же новая туча надвинулась на ее чистый лобик.

— Но погоди, мне сегодня Сережа понадобится!

Сережа — наш шофер. Для нужд женщин, населяющих этот громадный дом. У папы был другой, личный, по имени Борис, хотя папа обожал водить машину сам. Шофера же брал на деловые встречи «для понтов», как он говорил не без иронии.

Боря уволился сразу после смерти моего отца и отправился искать работу в других богатых домах.

— Да на здоровье, мне Сережа не нужен. Я доеду на своей машине до станции, а там сяду на электричку.

— Маша, ты не можешь ездить на электричке!

— Это почему еще?

— Там... Ты знаешь, что там? Ты когда-нибудь ездила?!

— А ты, Лен, ездила?

— Еще как! Поэтому и говорю!

— Так ты вроде жива осталась. Если только я не с привидением разговариваю.

— Не груби мне!!!

— Да бог с тобой, *Леночка*... — Я знаю, мачеху бесит, когда я называю ее уменьшительным именем, как папа. Я же в ее глазах маленькая, ребенок. Не имею права. Обязана уважать.

Да только у меня ни одной причины уважать ее нет.

— Не волнуйся, к вечеру я буду дома. Доступна круглосуточно на мобильном. Чао!

И я направилась к двери.

— Но ты не должна ехать на своей машине до станции! — прокричала мачеха мне в спину. — У тебя ведь еще прав нет! — Запоздалое озарение.

Я почти уверена: Лена отправит кого-нибудь за мной следить. И вовсе не потому, что волнуется. Леночка меня не любит и ничуть обо мне не беспокоится. Беспокоится она о другом: о завещании. Вернее, об отсутствии оно. Прошел почти месяц с того жуткого дня, когда папа покинул нас, но завещание так и не всплыло. Ни в папином кабинете не нашлось (а Леночка, естественно, все ящики там перевернула), ни у парочки нотариусов, с которыми папа по разным причинам имел когда-то дела. И Лена едва ли не каждый день причитает, что она, мать двоих детей, не может жить в неизвестности!

Эту фразу она никогда не развивает до полной ясности, но я знаю, какого рода неизвестность столь сильно ее тревожит: если вдруг завещание обнаружится, то там может оказаться обозначен один-единственный наследник. И с большой вероятностью им окажусь я. Папина любимица.

Мне ее истерики порядком надоели, и я села за чтение законов. После чего утешила мачеху: что бы ни написал папа в завещании (если оно есть), Лена в любом случае унаследует какую-то часть. Закон охраняет права иждивенцев и нетрудоспособных родственников, а их у папы как раз пруд пруди. Одних детей шесть штук: у Леночки двое плюс я, а еще мои единокровные старшие брат и сестра, они сейчас в Лондоне, учатся там. Кроме того, у нас есть еще одна единокровная сестра Юля, самая старшая,

от какой-то женщины, о которой нам ничего не известно, кроме того, что она новорожденного ребенка принесла и оставила папе под дверью в далекие его аспирантские годы. У нашего красавца-папули была бурная молодость, студентки и медсестрички на него вешались — вот и нагулял с какой-то из них девочку. Папа вернул ребеночка матери, уговорился об алиментах, и жизнь потекла дальше.

Девочке той, Юле, теперь под сорок, живет она отдельно ото всех нас со своей семьей, и отношения с нами не то чтоб совсем не поддерживает, но редко и весьма официально. Кажется, она не может простить папе, что он не женился на ее матери... Впрочем, не знаю.

К детям следует прибавить и взрослых иждивенцев: бабушку, тетю и саму Лену. А вот Юля, к слову, в когорту папиных нахлебников не входит — она работает в финансовых сферах и, кажется, неплохо зарабатывает. Так что волноваться никому не стоит, денег на всех хватит, объяснила я мачехе. Правда, если завещание существует и наследником указан кто-то один... В этом случае доля Леночки порядком уменьшится — насколько я поняла из бегло прочитанного в Интернете. И мачеха этого боится. Поэтому она непременно пошлет кого-нибудь за мной следить: она почему-то убеждена, что я ищу по нотариальным конторам завещание. И найду его. И тогда...

Собственно, о чем это я? Леночка плохого мне не сделает — хоть она и истеричка, но не дрянь. Просто будет рыдать день и ночь напролет и подлизываться ко мне, чтобы я ей...

Но нет, нет! Папа если и оставил завещание, то наверняка оговорил в нем хороший пансион для нее

и детей! Да и для всех остальных. Иначе быть не может. Мой папа щедр и справедлив.

С другой стороны, я завещание вовсе не ищу. Во-первых, я не хочу сейчас думать о наследстве — у меня такое чувство, будто оно окончательно похоронит папу. Последний ком земли на его гроб бросит... Заняться всем этим однажды придется, конечно, но чем позже, тем лучше. Во-вторых, я думаю, что завещания не существует. Кто же оставляет свои последние распоряжения так, чтобы наследники ничего о них не знали? Это нонсенс.

В общем, мачеха зря волнуется. Но не подозревает об этом. Как всякая истеричка, она не способна рассуждать здраво — она способна лишь трястись от страха, поскольку ее воображение рисует жуткие картины нищеты, в пучину которой ввергнет ее завещание. Она не понимает, что папино великодушие служит ей гарантом. Я даже сомневаюсь, знает ли она смысл слова «великодушие».

...Однако слезка была бы мне совсем некстати. Кого она пошлет и как от него избавиться? Буду думать по дороге. По мере наблюдения за наблюдателем.

Едва я достигла входной двери — а дверь у нас о-го-го: массивная-дубовая-двустворчатая, просто так не распахнешь, только после плотного завтрака! — как сверху раздался хриловатый голос:

— Маш, ты в Москву? Подожди, мне тоже надо!

Наташа, тетя моя. Папина старшая сестра. Интеллигентка и приживалка. Она пишет статьи о литературе в частности и о культуре в целом — печатается редко, зарабатывает мало, последние

пятнадцать лет живет на папином содержании, но гордится собой так, что наши три этажа маловаты для ее завышенной самооценки. В общем-то, она нормальная тетка, если бы не этот гонор. Она считает, что у нее миссия — то ли исправлять нравы, то ли возрождать культуру, то ли... Она и сама не знает, мне кажется. Потому что все ее идеи либо надуманны, либо самоочевидны даже для такого недоросля, как я.

— Наташа (я не зову ее «тетей», ей это не нравится), я тороплюсь на курсы вождения. К тому же добираюсь своим ходом до станции, а там электричкой.

— А что, Сережа отвезти нас не сможет?

— Вопрос к Лене.

— К Лене? Разве шофер не наш общий?

Люблю я русскую интеллигенцию. Сплошной восторг и возвышенность чувств. Шофер у нас никак не общий — это человек, которому платят деньги и который выполняет то, что ему прикажут. Папа держал его для нужд домашних — то есть для нужд всех обитателей, включая Наташу, — за это и платил. Теперь ему платит Лена (папа изначально обеспечил ей «семейный» счет в банке, и вряд ли он близок к истощению), и не факт, что Наташины нужды входят в цену. Но интеллигенция таких земных материй не понимает — она рассуждает «по справедливости». А по справедливости это вот так: раз Наташе нужен шофер, то она должна его получить. За чей счет, ее не волнует. По крайней мере, до тех пор, пока счет не ее.

Я вообще-то тетку люблю. Но временами ее социалистическо-барские замашки раздражают.

— Наташ, папы нет.

— Я знаю! — обиделась моя тетя. — При чем тут?..

— Это он выдавал зарплату Сереже. Теперь ему платит Лена, у нее и спрашивай. Или заплати шоферу сама.

— Шутишь?! Он ведь не такси!

— Он работник. За деньги.

— Но у меня нет средств, чтобы платить за доставку на станцию!

— Тогда поезжай на автобусе.

— Маш, у тебя с головой как вообще? — Тетка смотрит на меня с верхней ступеньки, и даже на таком расстоянии видно, как пылает ее взгляд праведным гневом: ей предложили проехаться на автобусе!

— Ну ладно, тогда попроси Леночку, чтобы она включила твой извоз в Сережины обязанности. Хотя, возможно, ей придется в этом случае повесить оклад шофера... Будет справедливо, если ты тоже вложишься.

Наташа вылупилась на меня так, будто я заговорила с ней на марсианском языке. Признаю: я издевалась над своей тетей. Не со зла, я просто хотела научить ее смотреть на вещи реально. Ну, не научить — это безнадежно, — а, пожалуй, проучить. Пора бы ей вспомнить, что булки не на деревьях растут.

— А ты на чем до станции будешь добираться? — Тетка все пыталась найти наиболее экономное для себя решение.

— На своей машине.

— Когда едешь?

— Прямо сейчас.

— Подожди меня!

Тетка у меня богемная, она любит писать статьи по ночам. Встает она соответственно поздно и сейчас еще в халате. А я просыпаюсь в шесть — меня к десяти вечера просто задувает в кровать — и мой день давно начался.

— И сколько тебя ждать?

— За часик управлюсь, — заявила она и тут же спохватилась, увидев выражение моего лица. — Ну, не знаю, дай мне хотя бы полчаса... — В ее интонации зазвучали просительные нотки.

Наташа, хитрая лиса, адепт социального равенства и свального бескорыстия, почуяла, что получит отпор, поскольку ждать мне ее отнюдь не улыбаюсь, и начала заискивать.

— Извини, Наташ. Я тороплюсь. В следующий раз предупреди меня заранее, ладно? Тогда я смогу составить свое расписание с учетом твоих интересов, — произнесла я сухо вато и выбежала из дома. С огромным облегчением, надо признать.

На самом деле у меня была совсем другая причина, чтобы избавиться от Наташи: у меня имелись планы, о которых ей, как и другим, знать не следовало. Во-первых, я намеревалась ехать в Москву на своей машине, а вовсе не на электричке. А во-вторых, мне нужно было до отъезда заглянуть кое-куда.

Это «кое-куда» находилось совсем недалеко, на нашей же необъятной территории. Папа купил когда-то огромный участок на Истре, на нем можно было бы, пожалуй, небольшую деревеньку разместить. Я уверена, что никто из обитателей дома, кроме меня, толком не знал, что находится в наших